

*Михаил Волохов*

# ВЕЛИКИЙ УТЕШИТЕЛЬ

*Сага о любви*

## ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

П о л я  
Т и м  
Л ё р а

### *Париж, наши дни*

*Двухкомнатная квартира в Париже.*

*Перед началом спектакля закадровым актерским голосом читается стихотворение:*

Человек, что умрет в моей пьесе -  
Кожу снимет сначала и повесит ее на стуле.  
А стул скажет: жмет плечи — ваша смерть не моя проблема.

А роза в вазе заступится  
И приведет в пример вазу хрустальную:  
Я умираю в вазе и ваза не против,  
А только сверкает гранями разными.

А стул скажет: это ваши проблемы.

И тут диван сердитый вспомнит:  
Когда-то на этом стуле стоял человек с петлей на шее,  
И стул был радостный, когда его выбили,  
А ноги человека повисли в воздухе

А стул скажет — идите вы дальше.

Человек, что умрет в моей пьесе

Может снять свою кожу  
Но уважая стул  
Пусть бросит ее на землю.

У стула свои проблемы.  
Тем более - все это пьеса.

*(Входят Поля с чемоданчиком и Тим с гитарой.)*

П о л я. Вот здесь я и живу. Проходи, Тим. Гитару можно поставить сюда. А чемоданчик - здесь пока. Тяжелый.

Т и м. Бумага там - роман писать. Костя дал. Фу, взмок. Устал от усталости.

П о л я. «Жувамин-витамин». *(Дает Тиму витамин.)* Подкрепись. Водичка. *(Дает ему воды.)* Глотай.

Т и м. Мерси боку. *(Глокает витамин.)* И мертвое тело тащило такую же мертвую душу.

П о л я. Расскажи про свой роман подробней.

Т и м. Не смог Великий Утешитель себя утешить перед казнью. Хотя всю жизнь утешал перед казнью людей. Ощущение - завтра моя казнь - а себя утешить не могу. *(Озирается.)* Вот ты и привела себе на фатер клошара-убегайло, писателя-еврея. Если человек решил подохнуть - себя утешил, значит, перед казнью - не надо ему в этом мешать.

П о л я. Даже Костя не мог подать тебе воды.

Т и м. Ну, Костя хороший человек, Поличка. Это он, бодяга, дал мне место в СКВОТе.

П о л я. Сам твой Костик в СКВОТе живёт на халяву – на этом заброшенном заводе в центре Парижа, а другим - вот тебе - уже и разрешает там жить.

Т и м. Законы джунглей – я не против – в Париже ведь живём-то на халяву – стрижем капитализм. *(Рассматривает картины, висящие на стенах.)* Лодочки, пейзажики, букетики. В совке сейчас нарыть картин становится опасно. Убивают сейчас за картины в России, как и в Париже. В СКВОТе русские художники только так под сталинский ленизм вделывают репу.

П о л я. Какую-нибудь бабочку клошарную приводят в СКВОТ, трахают во все святые полномочия, а потом малюют с нее голую доярку на снегу из баньки. Прикладывается печать тридцать седьмого года и на аукцион. А французы покупают, чтоб на стенку в спальне повесить голубой для возбужденья. *(Смотрит на картину.)* Дети на санках со снежных горок скатываются, и такие счастливые.

Т и м. Тоже халтура?

П о л я. Я держу оригиналы. «На свете нет такой тоски - какой бы снег бы не вылечивал». Чистый-чистый белоснежный русский снег. И в Париже снег прекрасен, только вот в Париже снега заметельного и зимою нет. А есть черные негры и арабы из метро. Из-за снега можно стать расистом. А Пушкин негр был наполовину, чтобы собой весь черно-белый мир объединить. На следующей неделе от вашего СКВОТа останутся одни воспоминания. На слом.

Т и м. Приказ мэра. Ребята суетились. «Pas de chance - без шанса». Я хотел, чтоб меня завалили там в одном подвале. Ты выгребла. Ребята куда денутся? Спать на голой улице уметь надо. Когда меня Юра Томский из своего бюджетного арабского жилища ашелема выпер, я три месяца в Булонском лесу на надувном матрасе сны смотрел, клеёночкой прикрывшись.

П о л я. Булонские транссексуалы не мешали?

Т и м. Они на работе. Я даже мечтал, чтоб кто-нибудь меня там в лесу во время сна тяжелым предметом по голове втемяшил. Обошлось. Культурная страна Франция.

П о л я. Русский самоубийца еврейского происхождения. Хочешь сок? *(Наливает ему сок.)*

Т и м. Спасибо. *(Пьет.)*

П о л я. И много романов написал?

Т и м. Всю жизнь один роман пишу.

П о л я. Один твой роман про ледей и убийц я читала. Он мне очень понравился. Поэтому я хочу, чтоб ты ещё жил.

Т и м. Спасибо не за что - живу. Это по телевизору все хорошо, правильно, и жить дальше очень хочется. Да я еще могу двадцать евро в день на жратву себе - в метро «ямщиком» нагитарить гитарой и спеть. Костя научил, как в Париже так богемно на халяву можно выжить. А то ж я, кроме того, как людей - месорить... в своих романах... и так далее... не только... Но есть люди - евро в день заработать не могут, а ломаются в Париж писать клошарные стихи - еврейские поэты очень русские. Умер такой на той неделе в СКВОТе. Проглотил ручку, которой стихи нашептывал. Страшно как смешно. Два дня в картонных коробках в подвале лежал, пока не завонял. И кому какое дело... В СКВОТе у всех свой личный бизнес. Все деловые в Париже. Нет дел - еще больше понта. А я без понта десять дней могу не есть – не сдохну - только организм от шлаков очищу. Мне только бы воды попить. Лучше кипяченой. Я у тебя могу бесплатно, если что, кипяченой воды немного попросить?

П о л я. О чем ты говоришь?

Т и м. Здесь Запад - здесь надо быть предупредительным. Я, когда увидел твои глаза - я вспомнил свою маму.

П о л я. У тебя мама в России?

Т и м. В Сибири похоронена. Где папа.

П о л я. Прости.

Т и м. Все что начинается...

П о л я. И наша дружба?

Т и м. Началась?

П о л я. Ты умеешь останавливать время?

Т и м. Умею убивать.

П о л я. Будем вместе убийцами нашего времени?

Т и м. Если хочешь.

П о л я. Покушаешь чего-нибудь?

Т и м. После китайского ресторана?

П о л я. Было вкусно?

Т и м. Суп с грибами - вещь. Костя раз пригласил к китаёзам, когда халтуру на аукционе сторговал. Он реально главный ширевой в СКВОТе. Сам так поет. Он им всем за столом, когда я пришел, как новенький, так и сказал, что мне надо обязательно дать место в СКВОТе, хотя бы на полу, потому что я грёбанный русский гений. Какой я, к черту, гений? Все мы здесь грёбанные русские гении. Этих всех несметных русских гениев только в этом парижском СКВОТе больше двадцати экземпляров поэтов иммигрантов русских провшивленно гниет. Они там все друг друга ненавидят, что телки с ними, нищетой - духовно озаренной, трахаться не хотят. А когда Косьян-парадник им влил, что я самый штурмовой талант гениальный – мне, гениевику, самое вперёд смердящее место и впарили в подвале на коробочках картонных с крысами в обнимочку. Я тебя заколебал своими мемуарами?

П о л я. Время убиваешь хорошо.

Т и м. В СКВОТе даже на полу места поспать на картонных коробках в подвале очень трудно найти. Но Костюху они послушались. Он им очень серьезно сказал, когда выпил, что я абсолютно за гранью шизанутый русский гений - гордость, русской культуры, гордость русского андеграунда - когда мы пили вино. Нет, когда мы пили пиво. Или вино. Я уже не помню, что мы тогда пили. Мы чай тогда пили. Точно. Я им тогда на первую встречу в СКВОТ принес пачку китайского зеленого листового чая против рака, и мы пили чай против рака. И я им сказал, что зеленый китайский чай - против рака реально в тему для здоровья. А Махрач с хорошим чувством юмора сказал, что он большой любитель геераков целомудренных мордой вниз на животе с любовным завыванием таёжным.

П о л я. Любовь прощает все?

Т и м. Французы только так в метро от наших песен о любви торчат. За час спокойно евро десять в шапку накидают. Ты не бойся - я тебя не стесню в деньгах, если ты хочешь, чтоб я у тебя... здесь... остановился. Я спокойно могу на десять евро в день... жить. А пятнадцать-двадцать евро остальные ты можешь брать на общие расходы.

П о л я. Живи здесь, Тим. Пожалуйста. Не думай ни о чём.

Т и м. Полиночка. Ты меня совсем не знаешь.

П о л я. Познакомимся.

Т и м. Писатель отличается от своих романов.

П о л я. А леди-путана похожа на свои романы?

Т и м. Полина...

П о л я. Леди - не бледи. Это бледи - леди. И вот чтобы стать леди - надо сначала непременно стать шалавой. И будешь леди королевской, когда ты лярвой станешь мерзкой.

Т и м. Ты - чистая.

П о л я. Чистая леди или чистейшая подстилка?

Т и м. Ты мне снилась именно такой.

П о л я. Я вас очень люблю, евреев русских - самых русских людей, которых я когда-либо знала. Но вы не русские люди. Вы умеете жить и страдать без истерики.

Т и м. Жизнь - подарок Бога - чего ещё стонать.

П о л я. А сам хотел подохнуть там в подвале.

Т и м. Людей в Израиле - в романе нарезал слишком много... Обесценил жизнь.

П о л я. Подарок Бога. И нимба ноль за шею единицу придушил в десяточку его. И без истерики.

Т и м. Я точно убийца, Полина. Истерики хватает.

П о л я. Видим света чудеса, а Света самого не видим. Ты сам еврей. За что евреев убивать?

Т и м. Понять хочу почему Христа еврея сами евреи распяли. Ужасно всё внутри от этого болит. Ничего с тех пор не изменилось. Представляешь - за зелёный цвет листы американский - я еврей в Израиле мочил евреев под луной.

П о л я. Евреи умно могут убивать – себя евреев богоизбранных. Как богоносцы русские – себя?

Т и м. Русские и евреи - две самые сильные нации в мире. Только у них в конце - связующее «и» - чтоб ум соединить с моралью, духом и спасительной любовью.

П о л я. Пока не получается.

Т и м. Еврейская торговля всех и вся - весь мир заделала в еврейский. Поэтому мочилово фатально кругосветное повсюду. Щи да каша - пища наша. А русский человек очень долго запрягает, чтоб все на место-то святое и духовное поставить в этом мире и спасти весь мир.

П о л я. Богоносец Обломов - это олицетворение русского человека, его бескорыстного спасающего и объединяющего замысла и смысла. И Обломов всё-таки дождётся, будем надеяться, своего облома. Весь вопрос только когда?

Т и м. Какая ты божественная умная русская поэтическая девушка. Так все на свете сверх по-женски, точно знаешь?

П о л я. Я просто очень чувственная девушка. Нервы наружу все выбили.

Т и м. Ты гениально чувственная красавица, Поличка. И совсем не нервная снаружи. Обломов уже умеет многое - он умеет самое главное: попадать двумя ногами в оба тапка сразу, когда встаёт с постели.

П о л я. Но Обломов видит, что вы евреи пока ещё мало сработали, чтобы что-то ему объединять.

Т и м. Да он сам еврей, как и все, - твой Обломов! Только он не хочет еврейскую торгашную работу как этот его дружан немец Штольц делать. Обленился. Пожрать ему только. Вот и всё.

П о л я. А людей убивать – это какая работа – русская или еврейская?

Т и м. В России – русская. В Израиле – еврейская. Тем более еврею евреев в Израиле мочить - антисемитизмом не считается. А я ещё профессорский сынок. С России Богоносцу мне в своём сознании в базарном Тель-Авиве улицы местным арабам мести? За падло, девушка, хорошая моя. И кончать собой еврею, мне тоже там совсем не Богоизбранно. А больше ничего в России не научился делать, Поличка, как только много думать за других, а потом еще кого-то и мочить, кто всё же поумней тебя.

П о л я. Он Богоизбранно мочил других как Богоносец.

Т и м. Да в Израиле - там думать времени нет, когда ты приехал нищим из России. Там надо просто сразу что-то и кому-то срочно, как в России, врезать по рогам. И это желание там только усиливается. Земля и небо в Израиле не твоё – они там тебя морально не поддерживают и не сдерживают. Почему в Америке смертная казнь? Там, у всех америкосов иммигрантов, под ногами земля чужая, с небом без осуждения – как в пустыни. Но одновременно – в целом - это английская нация, где Шекспир – писатель сакральный – с тем же «Макбетом» и «Гамлетом». С одной стороны - в Америке – каждый за себя – там альтруизм Мы переходит в эгоизм Я. Там каждый сам себя, как иммигрант спасает, а не всех. Американцы – по сути – иммигранты – даже в десятом поколении. Они бы там все друг дружку из-за эгоизма Я - реально за пару недель перестреляли бы без смертной казни. И одновременно – в плюс их агрессивности - смертная казнь – это реальное воплощение в жизнь сверх идеи их сакральной пьесы «Макбет» - убийца должен быть убит. Поэтому американцы и лезут всех метелить в другие страны со своим, часто ошибочным, пониманием убойного Макбетизма у других наций. У них и все принципиальные фильмы работают на их сакральную идею убойно кровавого благородно-мщения-мочилова, умноженную на идею иммигрантского Я эгоизма. И к нам русским сейчас приревновали, когда мы тоже начали кой чему учиться у Шекспира и эго-капитализма.

П о л я. Мы русские и без шекспировских американцев друг друга в прошлом веке у себя понаубивали триллионными цифрами – и далеко не Макбетов убийц поубивали у себя.

Т и м. У нас, у русских в прошлом веке вместо их учителя Шекспира – как надо убивать - была наставником наша уличная революция. Там нет законом - беспредел. Но это пригодилась России - с тем же Гитлером - фашистом без законов, разобраться. Но это еще Бисмарк говорил – «никогда не идите войной на Россию». У Бисмарка на портсигаре была серебряная пластинка, на которой было

выгравировано русское слово НИЧЕГО. Он учился в России и понимал, что для русских главная Идея НИЧЕГО - в их ВСЁ – в их неоспоримой - Самой Глобальной и реально самой большой, и Исконно Своей в Духе и Реальности - Земной Божественной Территории. Нельзя сомневаться в Территории. Каков Русский Дух – такова его Земная Территория. ВСЁ или НИЧЕГО - наша русская идейная отгадка. Именно поэтому нельзя идти войной на русских. Русские никогда не отдадут своё самое громадное в Мире ВСЁ – свою самую большую в мире территорию. Отсюда у русских возникает самая большая в мире спасительная ответственность за свою самую большую территорию, за могучий русский язык, призывающий русское сознание на готовность в любой момент к любому жертвенному, самоотверженному подвигу по защите этой территории. И через эту свою самовоспитательную ответственность, и готовность к жертвенному подвигу - русский человек на генном уровне - самый главный и праведный спаситель всего этого нашего общего земного глобального человеческого Мира. Не спасти Мир русский человек не может по определению – иначе просто потеряет свою жертвенную самость и в своей стране, и в Мире – потеряет духовное основание своего праведного Я, которое превращается актом Спасения в Мы – в Мы всего Человечества, которое Мы русские спасаем. Особенно это проявилось во вторую мировую войну. Россия – самозащита Земли.

П о л я. «Не страшно под пулями мёртвыми лечь,  
Не горько остаться без крова,  
И мы сохраним тебя, русская речь,  
Великое русское слово.»

Т и м. Вот. Молодец, понимаешь. От Родины Матери, Ахматова сказала. Выразила самую главную русскую идею - ради чего и стоит жить – ради Великого русского Мирового спасительного Слова и Дела. Хоть Ахматова была женщиной и обижена сталинской страной. Но этими словами великой русской женщины поэта – Мировой Бог выразил своё сокровенное желание и мысль. Русские непобедимы. Немые немчары и чуяли, где собака зарыта, что Русь – божественная поэзия Спасения Земли и Праведное Правление Миром. Поэтому и попёрли фашисты - на нас в сорок первом – за столбить в правление Миром свою античеловеческую фашистско немецкую античеловеческую уничтожительную прозу. Ну и получили от русских, что им их Бисмарк предрекал - НИЧЕГО от нас в сорок пятом. А когда еще в восемнадцатом году Россию Антантами-то сжали - именно тогда - в той сжатой в кулак России тоже выявилась и впиталась в Россию самая настоящая праведная, в Объективном Духе Развития всего нашего Мира - Идея - про Свободу, Равенство и Братство - одна на всех - мы за ценой не постоим. И за это Всечеловеческое ВСЁ -Россия тогда билась и выстояла - голодная, раздетая - практически одна, спасая эту Сверх Идею Мира. Иначе НИЧЕГО – нет Мира – нет Свободы, Равенства и Братства для всех людей Мира. Нет Мира на всей Земле. Понятно, что потом всех Сталин в безграмотности начал вокруг себя в грязи ложить кровавой и всю идею опорочил – но стал точно своим именем зато – стал ВСЕМ - в том своем кровавом диком тоталитарном времени. Но одолел Гитлера – европейского Макбета все равно Силой Спасения Мира. Поскольку Сила Спасения - всегда выше силы уничтожения. Иначе жизни на Земле просто не было.

П о л я. А что происходит в мире сейчас?

Т и м. Сейчас...

В то время как жизнь по-прежнему  
остается непостижимо вечной –  
человеческие надежды и знания  
замкнулись на любви

к порожденным себе  
подобным смертным.  
Но истинные знания,  
соотнесенные с вечностью,  
имеющие целью победить человеческую смерть  
и наделить человека возможностями  
распоряжаться вселенной по своему усмотрению,  
добываются, как и в прежние века,  
только на пике кровавых, варварских деяний  
с телами и душами  
этих - себе подобных,  
любимейших смертных...

И если б не было замеса этого всего, кроваво-инфузорного, то мы бы с тобой сейчас здесь не сидели и не говорили. И Макбет должен быть убит...

И когда я русский еврей в Израиле кроваво сажалил первого еврея – я его одновременно и спасал... я ему не сказал, что это его ближайший родственник, еврей из Америки, с кем они оказались сонаследниками большого состояния, купил мой нож за пятьдесят тысяч долларов.

П о л я. Если бы я не пришла сегодня в СКВОТ - то никто бы не дал тебе - такому убойному спасителю-замесу анти-Макбету – воды.

Т и м. Пошли меня ко всем чертям, грохни меня, Поличка!

П о л я. Успокойся, Тим, все будет хорошо. Жизнь - это подарок Бога.

Т и м. Я говорю такие дикие матерные волчьи вещи. Без остановки. Я два года ни с кем не разговаривал. В СКВОТе - там же не с кем поговорить, в этом хламидном СКВОТе. А больше совсем не с кем поговорить и негде в кусошном этом вечном городе Париже. В СКВОТе никто не знал, что я покупаю «Бордо» за три евро, а подаю за двадцать. А все равно ко мне там было мерзкое отношение - как ко всем между ними. Я по-черному устал в иммиграции в Париже, Поличка. Не меньше, чем в ЭСЭСЭСЭРЕ и больше, чем в Израиле. Издатели поджидают, когда убийца-автор, я, концы отдаст - чтоб про моих убийц-героев спокойнее печатать книжки для детей. Думают, сам про себя убийца сочиняет - скандала почему-то для рекламы не хотят. А я, видишь, точно сам про себя, еврей-немой-убийца, романы сочиняю ни для никого. В России роман один издали - зовут назад в Россию сосну пилить и разгружать бананы. А я, вроде, здесь отвык в Париже замолкать парашников за вексель в вечные снега. Но без России здесь нечем даже и стонать. Сплошная немота. А ты картинками торгуешь русскими?

П о л я. Любовью русскою торгую. Рифмую попку с талией без устали устами.

Т и м. Не с кем тоже здесь поговорить?

П о л я. Здесь не с кем даже и подумать ни о чём.

Т и м. Шампанское самое дорогое заказала. Божественные жесты. Прости, Поличка! Мне нельзя хорошо питаться. Сразу мозги заплывают – несу хрен знает что. Как день прожить не знаю... без убийств... А в романах человечеству - как вечно жить счастливо объясняю.

П о л я. В России, если ты чего-то значишь, но не жид - то, значит, им подковёрно проданся. А в Париже снова надо лярвой черной становиться - чтоб до леди белоснежки мягкой попкой дослужиться. И в Париже это понимаешь, когда из тотального дерьма выбраться уже невозможно - никаких кошачьих сил святых не остается. А мы, русские, вдобавок еще - с бзиком гениальности и сверхбогемной барской нежной генитальностью. И, если тянешь ты уста к родничку из слов волшебных русских – тогда Пахан встаёт и бьёт тебя главред журнальный

политический - торговый иммигрант экономический с обкомовской желудочной кишкой, но как бы благородно изначально диссидентской. Потом Пахан разноречитель поучитель в тебя топор врезает здесь в Париже - и отсекает голову, и душу, и Россию. До Парижа в России писала стихи, а в Париже стихи казнили. Казнил Пахан, политикан – то ли серый диссидентик, то ли купленный гебистами сексот, но с обвислым балдометром недочеловеческим медузным с тридцать шесть и шесть температурой, мерзость, тёплым. Что еще страшней такого члена на свете русском может быть для светлой русской девочки нимфеточки в Париже?

Т и м. Медузный теплый член обвисший – это очень круто для прекрасной русской девочки в Париже.

П о л я. Сплошь по всем журналам иммигрантским партийные разборки и гебешные казни. Твой талант здесь никому не нужен. Ни русским иммигрантам, ни тем более французам, которые твоих стихов понять не смогут НИКОГДА!!! Ты невольно должна тусить со своими стихами в среде русской иммиграции. А там все схвачено этими паханами от продажной их политики. И когда Пахан там политически срочкует на своих страницах - а Пахан срочкует политически всегда - ты шалашовкой быть должна Пахана - первого секретаря горкома-дома иммигрантского терпимости-террора. Когда же у Пахана не стоит - а у Пахана не стоит вечно - он привязывает тебя к креслу и начинает драть на тебя свой сморщенный, но не смущенный мухоморный член-с. И вот, когда кончает этот мухомор составом ядовитым гонорейно-гноино-кагебешным - ты уже не задаешь себе вопроса – ты безвольна перед этой спермой диссидента-Пахана. В её отраве кагебешной, трипперной и гнойной ты просто тонешь без вопросов. А когда коммунисты в России перепобедились в капиталистов – за что Пахан и ратовал сначала диссидентством-то своим, - Пахан, чтоб не потерять западное откатное бабло стал резко коммунистом, но член его медузный упал в температуре просто до поносного ноля.

Т и м. Да всех их Паханов, трепаков, политиканов, диссидентов серых – надсмотрщиков еще этих за культурой - новая Россия без работы на Западе оставила. И сейчас им снова серый гебушный коммунизм назад подавай, чтоб деньги Запад продолжал им башлять за их бездарный, раскачивающий Россию, уже коммунизм. Мерзость дерьмократично конкретная. Настоящих духовных романтиков диссидентов конкурентов серые паханы забивают напрочь за валюту и свежие норвежские красные креветки, если быть съедобнее точнее.

П о л я. Я понимаю, что не смотря ни на что - надо просто писать свои спасительные стихи и не думать о суках Паханах. Но когда количество этих паханских сук переходит все мысленные границы... У меня есть одно стихотворение про сук фашистских.

Т и м. Прочти.

П о л я. Побег из Освенцима зека был не удачный -  
Его застрелили на проволоке висячим.  
Он весил килограмм сорок - не больше.  
Было теплое лето тогда в Польше.

Цикады в траве гудели всенощно,  
Растущий месяц освещал площадь -  
Туда всех заключенных с барачков выгнали прочь,  
После побега совсем не удачного зека в эту лунную ночь.

Десятого каждого потом из строя вывели



И повели в последнюю дорогу.  
По пуле этим "десятинам" в затылок разрядили,  
Когда они дошли до крематория.

Был не удачным побег тогда в Польше,  
Стало меньше людей - а сук больше.

Т и м. Спасибо. Я тебя люблю. Да этих ссучившихся иммигрантских верховодных законников-сук надо просто отстреливать со здоровым чувством юмора желательно. Что я и делаю. Стараюсь. У тебя остался кто в России?

П о л я. Мама.

Т и м. Навещаешь?

П о л я. Нет.

Т и м. Проблемы с посольством?

П о л я. Проблема инфантильная одна - пять минуток посидеть на ступеньках университета, где мне когда-то сделали очень больно, когда узнали, что я вышла замуж за француза. Выкурить сигарету на ступеньках и все. А ради пяти минуточек волшебных - ехать не стоит.

Т и м. Твой муж француз?

П о л я. Эльзасец. К арабу в окне приревновал. Напротив стоял дом, а в одном окне всегда сидел араб. Своими грустными глазами он смотрел на улицу, на пешеходов, на машины и на наше окно. Одной ночью мужу-эльзасцу приснились ревнительные букашки, и он меня очень сильно избил. А к этому времени у меня уже был мой мальчик - мой сын. Я и сбежала к нему сюда в Париж. И «la cathedrale de Strasbourg» со мной навеки распрощался. Такой кофейно-шоколадный собор, который рос прямо из самой каменной земли до самого пронзительного воздушного неба. Я там каждый день в кафе напротив часами сидела для блаженства души.

Т и м. Я безумно счастлив тебя встретить в своей жизни, Поличка. (*Берет ее руку.*) У тебя лихорадка? Ты простыла?

П о л я. Насморк. Ерунда... Простуженный солдат...

Т и м. Твоё потрясающее стихотворение ПРОСТУЖЕННЫЙ СОЛДАТ - меня сразило наповал, когда ты мне его прочла в ресторане. Тебя знобит?

П о л я. Завтра все будет нормально. Когда ненормально - значит, все совсем как есть у всех нормально, Великий Утешитель. У тебя другие соображения... перед казнью ... в твоём романе?...

Т и м. Незадолго до того, как компьютерный барабан выплюнул на этот раз на казнь роковой и счастливейший номер - семь семерок с тройками в начале и конце - заветный номер Великого Утешителя - все дело в том, что незадолго до этого Великий Утешитель случайно познакомился с прелестной солнечной девушкой и полюбил ее великой солнечной любовью.

П о л я. Да-да, это было именно так. В солнечном лесу, на солнечной поляне, усеянной до конца солнечного горизонта солнечными одуванчиками - на пушистой зеленой травке сидела очаровательнейшая девушка и плела себе венок из солнечных одуванчиков, когда Великий Утешитель ее увидел и полюбил с первого солнечного взгляда.

Т и м. На этой солнечной поляне Великий Утешитель утешал перед казнью самых трудно утешаемых людей. Люди забывались, люди теряли голову от счастья на этой райской и небесной солнечной поляне. И этого счастливого забытья человеку хватало до следующего утра, когда человеку рубили голову.

П о л я. Великий Утешитель часто и один приходил на эту сказочную поляну, чтобы самому на время забываться от своей убийственной и несносной каторжной

работы Великого Утешителя. Он понимал, что он людей не утешает, а только убивает ложью перед казнью. И ему - великому убийце, забываться на этой солнечной поляне было нужно больше, чем кому-либо другому.

Т и м. Но в день перед своей казнью - когда Великий Утешитель один пришел на эту солнечную поляну, чтоб на время немного забиться перед предстоящей казнью - солнечная поляна на этот раз Великому Утешителю не помогла. Как не помогла и Солнечная Возлюбленная. Солнечная поляна и Солнечная Возлюбленная только обожгли и вскрыли с небывалой силой рану любви. Ведь именно любовь предстояло завтра положить под топор палача... Но ни один мускул не дернулся на лице Великого Утешителя, когда на следующее утро палач отрубал ему голову...

П о л я. Но, когда гроб с Великим Утешителем уже опустили на дно могилы, и его Солнечной Возлюбленной было предоставлено почетнейшее право самим королем первой бросить горсть земли, - Солнечная Возлюбленная Великого Утешителя вместо горсти земли бросила на дно могилы, на гроб Великого Утешителя - букет алых роз и солнечных одуванчиков.

Т и м. И когда все остальные участники похоронной процессии вознегодовали и стали забрасывать могилу большими пригоршнями земли, а пьяные могильщики - огромными лопатами, - алые розы и солнечные одуванчики не остались на дне могилы, где остался гроб с разрубленным по глотке Великим Утешителем. Алые розы и солнечные одуванчики поднимались вместе с землей, засыпаемой могилы - алые розы любви и солнечные одуванчики неземного, небесного счастья были выше земли.

П о л я. И даже когда могилу ровняли и били железными лопатами по алым розам и солнечным одуванчикам - розы и одуванчики не ломались и не вминались в могильную землю. Розы и одуванчики сами были отрубленными головами роз и одуванчиков, но в отличие от Великого Утешителя были еще живы и ещё поэтому не захотели остаться на самом дне могилы под землёй...

Т и м. А Солнечную Возлюбленную Великого Утешителя через две недели нашли мертвой на солнечной поляне. Девушка пошла туда сразу после похорон своего Великого Солнечного Возлюбленного и лежала там в забытьи несколько дней - пока не умерла от голода и жажды.

П о л я. Чудесную Солнечную Возлюбленную Великого Утешителя похоронили рядом с Великим Утешителем и никто не знал, что там, под землёй, они обменивались любовными посланиями - никто этого не знал. Там, под землёй, любовь их снова оживила, Тим.

Т и м. Ты читаешь мои мысли, Поличка! Ты знаешь наизусть весь мой роман. Ты такая бесконечно щедрая и талантливая. Я не смогу без тебя больше жить. *(Целует ей руку.)* Ты вся дрожишь. Тебе холодно?

П о л я *(резко отнимает руку.)* Больше холодно, чем жарко.

Т и м. Ты ... космическая девушка святая.

П о л я. Когда не знаешь, что сказать, - лучше говорить. Иначе будут думать, что ты знаешь что сказать. Убивая своих евреев - ты их тоже утешал перед казнью?

Т и м. Я их утешал пулей, ножом, ядом... подушкой!!! *(Берет в руки подушку.)*

П о л я *(берет у него подушку.)* Это, чтобы спать и видеть солнечные сны.

Т и м. Когда я, еврей, убивал евреев, мне всегда казалось, что я, русский, убиваю русских!!!

П о л я. За что?!!!

Т и м. Чтоб самому в живых остаться! Я люблю тебя, Поличка! *(Хочет ее поцеловать.)*

П о л я *(отстраняется от него.)* Ты кто?

Т и м. Тим.

П о л я. Убийца?

Т и м. Только человек может быть убийцей. Он осознает.

П о л я. Я тебе, человек, постелю здесь, на диване - если ты хочешь остаться.

Т и м. Спасибо.

П о л я. Не за что.

Т и м. Мерси.

П о л я. Еврей-убийца вежлив был спасительно смертельно.

### *З а т е м н е н и е.*

*На следующий день.*

*(Тим сидит за столом, пишет. Входит Поля.)*

Т и м. Полочка! А я о тебе все время думал.

П о л я. Позавтракал?

Т и м. Я нашел записку, что ты ушла по делам и что мне нужно самому позавтракать. Спасибо.

П о л я. Роман пишется?

Т и м. Великий Утешитель не хочет положить любовь под топор палача.

П о л я. Это уже лучше? Он может отказаться от казни?

Т и м. Может. Правда, тогда вся его оставшаяся жизнь будет в плевках, позоре и ненависти народа. Во-первых, все сочтут, что Великий Утешитель не смог себя утешить, а, стало быть, он не обладает даром утешения и все казненные после его лжеутешений не были утешены, и умирали под топором палача в безутешных муках. И, стало быть, Великий Утешитель всю жизнь жрал чужой белый хлеб и делал лишь свое меркантильное черное дело. Во-вторых, в элитарно интеллектуальных и многих прочих приближенных ко двору кругах - умереть на плахе, под топором палача, считалось чем-то изрядно почётно священным, и многие бы стали презирать Великого Утешителя за то, что он, несмотря на свою неутешенность - не выбрал все-таки смерть и не ушел из жизни с чистым, практически святым именем.

П о л я. А если Великий Утешитель иммигрирует в другую страну, где нет всех этих святых дурацких казней?

Т и м. Действие романа происходит в будущем - когда все страны между собой объединились, и Земля стала единой страной. Потом, иммиграция от казни не спасает.

П о л я. А что спасает?

Т и м. Полочка, дорогая. Спасает только одно - надежды слово - Бог. И что Христос во имя Истины Воскрес. Бог - это Истина. А Истина - это Высшая Мера

человеческой Благодати. Истина - это рай. А мы выгнаны из рая. Надкусили плод - всё рвём еврейски на куски. Присутствуя отсутствуем. Но Плод - он всё равно с нами. Плод спасающей и всепрощающей русской любви. Понимаешь?

П о л я. Не понимаю, а просто люблю.

Т и м. Без истории любви ты не напишешь глобальную вещь – правды не будет объёмной.

П о л я. А чтоб убийство заклеить тебе что нужно?

Т и м. Надо самому кого-нибудь убить.

П о л я. И ты кого-нибудь убил?

Т и м. Убил, но не почувствовал.

П о л я. Это как?

Т и м. Так же как - я хочу тебя сейчас поцеловать, но все боюсь спросить и не целую, и не чувствую поэтому.

П о л я. Спроси.

Т и м. Я уже спросил.

П о л я. Что спросил?

Т и м. Что я хочу тебя поцеловать, но все боюсь спросить!

П о л я. Спроси!

Т и м. Я уже спросил!!!

П о л я. Что спросил? Не надо повышать на меня голос, убийца!!! Ты больше ничего не хочешь?!

Т и м. Я все хочу, но я устал.

П о л я. И решил умереть от усталости?

Т и м. От того, что утешил себя.

П о л я. Чем?

Т и м. Тем, что - утешить себя невозможно.

П о л я. Поэтому и хочешь умереть?

Т и м. Самое главное сделано - я тебя полюбил. Спасибо большое тебе. Теперь роман я точно напишу. Есть вдохновение.

П о л я. Вдохновенно вежливый убийца – спаситель и возлюбленный. Ой, мне так это нравится всё. Такие осмысленные безумные страсти вихревые, и чем более они становятся как бы осмысленными, - тем еще больше они превращаются в полнейшее безумие. И я полюбила тебя - такого невозможного убийцу. Убийц, наверно, любят больше всего на свете. Убийство опьяняет, как любовь?

Т и м. Смысл убийства – придать чужому телу состояние покоя. Мертвец - основание всего мироздания. Вещь стабильная, смиренная. Не зря же Гераклит сказал: «смертью друг друга мы живём, жизнью друг друга мы умираем.» Христос бы не воскрес, и никто бы Его не полюбил, если б Его сначала не замуровали на кресте. И сейчас настало как раз то Время, когда любое слово и понятие следует распинать на Кресте - на Кресте соборности, на Кресте Меры - иначе мы ничего не поймём, иначе глупа была бы Смерть Его. Пример Его Смерти был бы страшно глуп - что Человека распяли так и Он так пострадал. Природа ведь не делает убийств. Это человек убивает конкретно себя и других за ржавые копейки.

П о л я. А меня распнешь, чтобы потом ещё сильнее любить.

Т и м. Готова заплатить?

П о л я. Бесплатно не работаешь, убийца?

Т и м. После того, как я перестал убивать - выяснилось, что по-другому я никак не умею зарабатывать деньги.

П о л я. Это еще что? (*Берет со стола записку.*)

Т и м. Месседж.

П о л я. От кого месседж?

Т и м. Звонил твой сын. Сказал, что приезжает.

П о л я. Сын? Когда приезжает?

Т и м. Завтра приезжает.

П о л я. У него какой был голос по телефону?

Т и м. Немного задумчивый. Я ему здесь буду мешать? Может, мне лучше уйти?

П о л я. Куда?

Т и м. В СКВОТ.

П о л я. Его же ломают.

Т и м. Пойду спать в Булонский лес. Надувной матрас у меня в чемодане.

П о л я. Ты меня все еще хочешь поцеловать?

Т и м. Хочу.

П о л я. Можешь попробовать.

Т и м. Спасибо. *(Целует её.)* Ты воистину божественная девушка.

П о л я. За это можно бить и надо.

Т и м. Меня в России били за еврея, в Израиле - за русского. Я, там в Израиле - в аптеку раз зашел - там наша совковская еврейка за прилавком. Я к ней как к человеку - по-русски, а она мне в ответ на идиш, на котором сама двух слов связать не может. А попочет усердно леди вся такая задница в беленьком халатике - чтоб я специально не понял. Своим еврейством как перегаром рыгает. Да никого там в аптеке кроме меня не было - перед кем понты колоть – очки израильские заколачивать. Ну, я тогда и взял таблеточки бесплатно от боли головной, когда перо ей к кадыку поставил. Только так за полсекунды с московским аканьем сермяжным лекарстvom бесплатно отписала. Когда в одной стране одни евреи - евреи жизнь терпеть не могут ни фига. И я всегда спрашивал у заказчика, кого и за что надо грохать. Это было моим условием. И если человек хороший был - то я его не убивал. А несколько раз просто заказчиков мокрушил, чтоб с их жертвами ничего и без меня не случилось. И это я делал бесплатно – анонимно – очень позитивно. Полный кобзец - в Израиле жизнь, как в убойном совке. Каждый день Христа-еврея евреи безмыслием своим торговатым жидяристым распинают изысканно там. За каждую голову алима-иммигранта-еврея Америка или кто-то там с безмыслия еще дает на физически физиологическое обустройство оногo двадцать пять тысяч долларов, если не больше. Двадцать тысяч ворует израильская бюрократия. Там воровать считается достойным ремеслом еврейским, особенно у государства, у иммигрантов нищих, у алимов - кто не просек еще систему воровства в их иудейском царстве-государстве с неграми евреями – с такими же еврейскими арабами и мафиозными раввинами с китая там еще. А ты там просто чемодан для них с бюджетными откатными деньгами, что просто прибыл к ним посылкой там от тети Моти с ряшкой рязанской на морской курорт к ним в Израиль - мать-родину сменить. И если ты не знаешь открыть свое дело хотя бы, как я по социальному мокрушеству, понимаешь - то ты пленительно и чисто метёшь еврей-профессор улицы для них, и я завтра не ручаюсь, под какой ты Тель Авивский поезд бросишься Аннушкой Карениной родной. Ну, короче, если все лишнее отбросить - я не схематичный марионеточный убийца Раскольников Достоевского - чтоб идти потом по надуманному терзанию души сдаваться там властям и вечно каяться. Если я убиваю – то убиваю без покаяния. Ты просто не сможешь никого убить, если ты считаешь, что потом будешь каяться. Но, с другой стороны, я за то, чтобы нашлись позитивные здоровые силы в романе, которые могли поймать и грохнуть такого убийцу меня. Как в Макбете Шекспира. Я уже говорил. Макбета – нашелся грохнуть позитивнейший знатный вельможа шотландский Макдуф. Сам убийца Макбет у Шекспира не кается.

Это и есть спасительная правда жизни искусства. Только в этом случае жизнь будет продолжаться в своем моральном праведном объективном цветении. В высосанном из пальца, надуманном раскаянии схематического убийцы Раскольникова - спасительной правды жизни и искусства нет. Образ Раскольникова и сделал нашу убойную Русскую Революцию. Потому что в романе Достоевский Раскольникова не уничтожил, а отпустил любимого наполеонного мыслителя на псевдо самопокаяние. Он и окреп Раскольников к восемнадцатому году - и начал всех Порфириев мочить с Елизаветами ...

П о л я. Но как тебя грохнут такого убийцу позитивные силы - которые будут на самом деле искренне совестливы и прозорливы и, стало быть, будут реально уверены, что после убийства тебя – они не спасут этот мир, а принесут в него зло и убийств станет повсеместно больше.

Т и м. Все. Поличка. Мир. Ты победила своим женским материнским миролюбивым всевидящим пронизательным сверх логическим праведным началом. Все – короче, больше никого не убиваем – пишем романы про то, как уже раньше кого там замочили. Зарабатываем кучу баблоса на этих мемуарных покаятельных романах схематичных сериальных и едем на одинокий остров в тихом океане заниматься трахающей, всё поглощающей любовью для вдохновения - чтоб следующие покаятельные какие романы там тиражные царапнуть между палками... Прости.

П о л я. Пиши, что хочешь, но только старайся без фальши.

Т и м. Моя ты дорогая – мы тогда здесь в самом нужном месте. Для не фальшивого морально психологического этического романа – здесь в русской иммиграции - самый город покорительный - Париж. Куда ни глянь – аморальность жизни в кубе с нашим иммигрантским соучастием - чтоб нам же ее – эту аморальность иммигрантскую описать и позором заклеить. Вон - Юра Томский, мальчик балерон парижский, Викочку Малинину на белый брак мне одолжил за пять кусков зеленых. До этого одна контора частная алимов-иммигрантов научила, как еще Израиль обокрасть при выезде на восемь с половиною, не по Феллини, кусков долларовых зелёных за двадцать пять процентов от означенной всей суммы, работая гарантом и квартиры с завышеньем покупая. Просто классно аморально организована тут вся наша жизнь иммигрантская, Поличка. Не расстреляешь всех уродов и в романы не запрешь. Достал я тебя, конечно, своим бредом от Синеи Бороды. Я надеюсь, что ты меня всё-таки по-христиански через уши в душу пропускаешь и воспринимаешь как поэт поэта - самурайского убойного убийцу на его благородной ниве-войне - служения хозяину. Мой Бог-хозяин сейчас ты. Меня просто мои персонажи убийцы так затягивают. Реально, гады, достали – в тело и душу вошли. Я доподлинно иногда вообще не вижу разницы между собой и своими героями убийцами.

П о л я. Я и сама в Париже тоже съела сына своего.

Т и м. Ну и вкусно было?

П о л я. Очень.

Т и м. А кто тогда звонил? Что ты плетёшь?

П о л я. Я, еврейка, Тимочка, у русских научилась кушать своих ребёночков. Они же, русские, нас евреев упрекают, что мы, евреи, кушаем своих деточек.

Т и м. Но, подожди - ты же русская, Полина.

П о л я. Русские девочки - самые терпеливые девочки на свете. Как еврейки. Терпеливее евреек. Поэтому русские евреи так любят русских женщин. А русские женщины любят евреев за то, что русские евреи самые отпетые русские чудила - без естественного шага воробьи, а только скок на сторону и скок - с пятки на носок.

Чирикают всё вверх, но прыгают всё ниже в грязь и ниже. И когда я, наконец, поняла, что я самая еврейская воробышка - я спокойно-духовно и физиологически поклевала своего самого русского сыночка пархатого птенчика.

Т и м. Он сказал, что он Лёра. У тебя есть сын Лёра?

П о л я. У меня есть всё - с евреем же на Западе живу. О чём мы говорим.

Т и м. Великий Утешитель и его любимая девушка на дне могилы говорили о червях. И я реально еще забыл про палача, который очень добрый и от которого очень многое зависит во всей этой казни.

П о л я. О, это замечательно. Палач всегда должен быть самым добрым человеком в государстве - чтобы люди его не боялись, когда он им рубит головы. А, послушай, если палач не захочет рубить голову по своим, неважно каким внутренним причинам - то он рубить голову Великому Утешителю, может, и не будет? Палач имеет такое право на сюрприз непредсказуемости своей души и сердца - чтоб его публика больше любила и боялась? А?

Т и м. Этот сюрприз непредсказуемости выясняется, как правило, в последний момент - когда голова Великого Утешителя уже будет лежать на чурбане и топор палача уже взвьётся вверх к солнцу, к звездам - чтоб оттуда бац и пополам по шейке головной хрястнуть навсегда.

П о л я. Интересно. Если палач отрубит голову Великому Утешителю - он отрубит голову убийце. Но, если убийца убивает убийцу - то в мире все равно остается убийца.

Т и м. Остаётся тот – кто хочет больше жить. Кто умеет забыть, что он убийца. И опять же - никаких нервов и переживаний надуманного убийцы Раскольников. Достоевский ведь сам никого не убивал. Откуда ему было обо всех этих терзаниях души последствиях после убийства все это так безосновательно знать. Убийцу надо только убивать, повторяю. Разрешать убийце каяться – это преступление. Я так считаю. Но, конечно, частью своей русской души я отчётливо понимаю, что Достоевский Христиански Милосердно прав – надо дать возможность даже убийце покаяться. Иначе мир саморазрушится. Но это подставить другую щеку. Я сам так часто делаю по жизни. Но в романе – так хочется убийцу грохнуть эту суку – ты не представляешь.

П о л я. Поцелуй меня, палач.

Т и м. Жанна Дарк – конечно! (*Целует Полю.*) Если б все были такими как ты, Поличка! Никого не надо было б убивать. (*Берет ее руку.*) Ты вся дрожишь, чудо!

П о л я. Ты хочешь умереть от моей любви, Тим?

Т и м. Хочу.

П о л я. Я тоже хочу умереть от твоей любви, Тим.

Т и м. Я тебя люблю, Поличка! (*Целует Полю.*)

П о л я. Проблема с убийцами, я думаю, должна решаться очень просто: если все убийцы перебьют друг друга - в Мире не будет больше убийц. А ты будешь самым главным шефом по поиску и стравливанию этих убийц друг с другом. Это я тебе разрешаю.

Т и м. Ради тебя я их всех убийц стравлю мгновенно - и пусть они, как крысы в бочке, пережрут друг друга.

П о л я. А последний оставшийся убийца должен покончить с собой. Ты только сам его не убивай, чтоб самому не стать убийцей.

Т и м. Но почему ты дрожишь? Тебе холодно или тебе страшно?

П о л я. С таким шикарным киллером как ты – мне нимфетке Портман Натали ничего не страшно, мой LEON спаситель! (*Целует его.*)

*З а т е м н е н и е.*

*(На следующий день. На сцене Поля и Лёра.)*

Л ё р а. Поль, ну это какой-то кошачий бред. Кого ты притащила в наш дом, клошара, блин, убийцу, гения - еврея русского происхождения? Какого-то Утешителя чёхнутого Великого, палача Спасителя активно доброго чумелого. Я от него просто чик-чирикну в ящик, Поль. Тебе одного моего прокажённого кино мало? Меня, идиота одного, мало? Я шопеню, Поличка - очень-очень траурно.

П о л я. Ты, Лера, не идиот. Ты о себе очень большого метафизического некроложного мнения.

Л ё р а. Короче - он мне чёрта лысого этот шарик голубой здесь сдался.

П о л я. А ты не голубой шарик?

Л ё р а. Тебе одного меня, голубого шарика мало? Поль, ну это перелетает все границы.

П о л я. Я привыкла. Я много границ перелетела. Израильскую, американскую, французскую. С таким трепакон кондуктором как ты.

Л ё р а. Тебе одного трепака ванька-еврея мало?

П о л я. Я знаю только одного ванька-еврея - тебя.

Л ё р а. Поль - я обломаюсь. Ты хочешь, чтоб я обломился - я обломлюсь.

П о л я. Хочу.

Л ё р а. Поль - я сверх экзистенциально глубоко долбанулся в этой не лечебной иммиграции - последний сухарь спидовый дожираю, Поличка моя. Я и так тут - труп смердящий и в душе, и в теле, и в членах других. А ты в гробешник этот мой еще один трупешник запрессовываешь-клинишь. Я с тобой точно сбельмондошнусь. Я с тобой уже давно пролуидифюнесился. А щас просто окончательно порвусь как десять раз использованный презик. Ты этого добиваешься?

П о л я. Естественно.

Л ё р а. Ну, товарищи дорогие. Поль. Линочка. Ну, что ты от меня еще хочешь? Чтоб я совсем сдулся и подох? Но тогда этот твой пархатый гений подохнет раньше, если не вперед, но вперед ногами точно в крематорий.

П о л я. Ты жиденок редкий, Лёра.

Л ё р а. Соблазнительно редкий жиденочек, Лин, Полин, суглиночка моя. Ну, куда его сюда - на какой этаж до потолка? Все, Поличка. Поговорили - все. Хватит. Два носашлёпа еврея в одной острожной забугорной клетке не существуют в мире никогда. Потом, я тебя еще ревную.

П о л я. Что?

Л ё р а. Тебе всё это не любовь. Конечно. Понимаю. Но еще потом - он здесь гадит.

П о л я. А ты?

Л ё р а. Это мой дом.

П о л я. На мои шиши.



Л ё р а. Ну, все - колоти меня в гроб, колоти - продолжай. Но только в своем гробу я хочу быть в одиночестве. Это последнее и единственное желание твоего ближайшего любимого трупа - в своем не хрустальном, не заповедном, не музыкальном гробу быть хотя бы тихо, молчаливо одному.

П о л я. Почему у нас нет счастья, Лёра?

Л ё р а. Счастья ни у кого нет, Поля.

П о л я. Тогда зачем живут люди?

Л ё р а. Родились и доживают - другого не дано.

П о л я. Не делай ему зла, Лёра. Раз он родился - наш сын.

Л ё р а. Я точно вольтанусь.

П о л я. Почему мне с тобой невозможно жить, но почему я с тобой живу? Отпусти меня, Лёра!

Л ё р а. Да отпускаю с Богом, девочка. Ты здесь на Западе, ты здесь можешь делать все, что хочешь.

П о л я. Это в России я делала все, что хочу. Здесь свобода - здесь надо уважать свободу других - твою свободу, Лёра. Но это только ты, агнец вершитель-разрушитель, здесь делаешь все, что ты хочешь - мою свободу ты монал в анал.

Когда же мы, русские, поумнеем?

Л ё р а. Поумнеем - будет скучно.

П о л я. Французам во Франции не скучно. Почему ты не хочешь быть простым, примерным умным евреем? Ходить на работу, получать зарплату, наконец, как настоящий нормальный, пригожий еврей.

Л ё р а. Опять за своё воспитание. Я еврей – мне уже некуда дальше умнеть. Но вот для будущего процветания сначала надо стать Иваном-дураком! Да-да! Каждый день тебе ж объясняю, девочка, свою систему мозговую нипель. Это как чтоб стать тебе леди, ты должна всех шалав перешалавить. А я должен дурачком-Емелькой на печи возлечь - чтоб потом Царевичем конкретным воскреситься. Не плачь, мать, - дай мне только кино мое снять - все о'кей по королевам будет в шах и мат всех разобьем врагов уродов как любишь ты всегда. В Канны поедем - приз глушанем, на царство бессмертное сядем. Сюжет же шоколадный про эту деревенечку, где жители не знают, что за фрукт такой еврей и с чем его едят. И вот людоеды, с тюряги сбежавшие и набредшие случайно на эту деревенечку сибирскую таежную, начинают объяснять им, глухومانям, как евреев можно вкусно потрошить. Ну, я тебе рассказывал. Я всех уделаю этим кино, мать. Сейчас только так тема еврейская - ялдаки всем обрезает, Поль. Только так ведь брательник номенклатурный на теме еврейской лавы спекулирует в масть. А меня, сучёнок, на свою дачу в Канны не приглашает развлечься. Всемирный он борец за права непризнанных блюдей, брательник уркойбойный, а Лёрочку лерастого перепехнина шмайсера на дачу в Канны фестивалить не зовет. Одним за порнуху валютный гонорар и слава, чтоб дальше еще бесплатно всех шар-шалав приبلуд окучивать, а другим Емелям коромыслом по виску. Никакими умными еврейскими мозгами я этого дарвинизма божьего упёртого абсурдного не понимаю, мамочка Полиночка моя. Чумею. Чёрт - двадцать тысяч евро в Диепе, сволочь, вот ещё в рулетку просадил. Ну, этого корейца-то - Добрыню с Казахстана - продюссера с зелеными башлями возил в Диеп проветрить, на Ла-Манш - французенкам задуть. На двадцать тысяч евро наказался. Мать, Линочка, - всем святым - пороками святыми всеми я тебе клянусь - отдам тебе я двадцать тысяч евро продажных. Булю теперь десять тысяч должен. Не отдам Булю через три дня десять тыщ - прирежет перочинно Буль твоего Лёрочку лерастого – вошку недобитую с Совка. Мать-Полиночка-Линочка, отдам я

тебе эти евро бумажные. Не прогорю в этот раз с Совком, мать. Там бесплатно сраное еврейское кино сейчас в улёт отснимем. Ну, нужен был и есть, и будет кореец, пёс, Добрыня с Казахстана Илья Муромец, в муму. Он мне бачет - в кино, ща, музыка и картинки, а твой сценарий про деревню без евреев с людоедами посла. Засунь, бачет, Лёрочка свой еврейский сценарий в свою сраную еврейскую черную жопу. В кино ща музыка и картинки с народа деньги вышибают!!! Кореец Кайзер с Казахстана, член! Как немой кореец у Гольдфингера с черной шляпой металлической убивец – Джеймс Бонд Шон Керри 007 там его в конце изящно завалил вольтовой дугой. Ты знаешь. А больше мне никто валюты на кино не обещает, мать. Ведь всем же по аналу искусство настоящее. А я еще типа как святой, борюсь за чистое, большое - священное искусство. Одна ж порнуха, в жизни и в кино. Я мигреню, Поличка - insultно. Пусть Буль меня прирежет, на фик, под парное мясо. Нет - пусть Буль меня прирежет, на хрен, в фуа гра. Не надо мне подтирочных бумажных евро франков-сранков, Поличка. Тем более твои все денюжки святые. Пусть Буль меня прирежет, на хер, просто навсегда.

П о л я. Пусть Буль тебя прирежет ... навсегда.

Л ё р а. Ну да - конечно, навсегда пусть и прирежет Буль меня тебе любимого родного. Спасибо, мать, за искренность святую и небесную. Спасибо. Точно заслужил.

П о л я. У меня нет десяти тысяч евро, Лёра.

Л ё р а. Я ж играл, чтоб выиграть. Для тебя выиграть, Поличка. Я раньше много для тебя выигрывал.

П о л я. Последнее время ты только проигрываешь. А я плачу - своей дырявой и рваной киской-розочкой-дурманной - жизнью своей плачу, Лёрка.

Л ё р а. У меня нет дырявой киски-розочки-дурманной, Поличка. А жизнь моя в ключья изодрана - в твоих ручонках розовых и нежных догорает.

П о л я. У тебя и члена нет, Лёрочка.

Л ё р а. Есть у меня член, Поль - давай не надо еще мой член мутузить.

П о л я. У него была везде одна сплошная дырявая вонючая рваная жопа. И конечно он от этого страдал... Я тебя просила, умоляла - не играй больше в эту свою несчастную рулетку.

Л ё р а. Я хотел выиграть, Поличка. Для тебя хотел выиграть, малыш.

П о л я. Ладно, Лёрка - не скули.

Л ё р а. Ты мой Бог, Поличка. Один Бог знает, что ты мой Бог, Полиночка.

П о л я. Спаси меня, Лёра.

Л ё р а. Я хочу тебя спасти, Полиночка! Но ты же сама видишь, какой мудака русский туфтовый мизер еврейского происхождения. Но я тебя люблю. Один Бог знает - как я тебя люблю, Полиночка!!! *(Плачет.)* Я мерзавец - я последний русский мерзавец еврейского происхождения, Полиночка!!! *(Плачет.)*

П о л я. Ты первый русский мерзавец еврейского происхождения, Лёрочка.

Л ё р а. Убей, убей меня, Поличка!!! *(Плачет.)*

*(В дверях показывается Тим. Поля и Лера его не видят.)*

Я тебя прошу только об одном - не надо целоваться с Тимом. Если ты его заразишь СПИДом - он ведь тронутый, он всем порассвистит.

П о л я. Лёра себе хорошо думает.

Л ё р а. Лера таки всем хорошо думает.

П о л я. Через поцелуи СПИД не передается. Это ты привел мне спидяка бобра французского Жерома, Лёрка.

Л ё р а. Я, Поличка, предупреждал. Ты сама согласилась. Захотела даже очень ты рискнуть со спидяком задорого ещё сама. Я все время и всегда виноват - я знаю. Убей меня суку жидовскую в ночь, Полиночка!!! *(Плачет.)*

П о л я. И тогда я решила покончить с собой. Потому что ты, Лёра - мой нежный, ласковый и любимый зверь-муж привел мне спидяка, чтоб я захотела, чтоб этот спидяк Жером за сто тысяч евро меня захотел... И я захотела.

Л ё р а. Полиночка! Такие деньги, - где ж они сто тысяч евро - жизнь моя, Полиночка!!!?

П о л я. Полиночка остреньким ногтем дырочку в чехольчике проколола - перед тем как принца возлюбить.

Л ё р а. Каждый день эти подробности - я не могу, Полиночка - я плачу, Полиночка!!! *(Плачет.)*

П о л я. И спидовая сперма милого Жерома, спидяка, во мне осталась навсегда.

Л ё р а. Милая, любимая, моя дорогая, родная, несчастная Поличка - это невыносимо. Убей меня, гада, суку жидовскую, Поличка!!! *(Плачет.)*

П о л я. Когда же из меня свой член Жеромчик вынул и увидел разорванный гондон и понял, что спустил свою спидическую сперму в тельшко моё, - каким Шекспиром зарыдал тогда Жером и на руках бегом понес меня он в ванну, как Отелло - Дездемону удушенную. И долго мыл меня всю ночь он в этой ванне духами и шампунями. И языком вылизывал и ртом глотал свою спидическую сперму. О, мой милейший спидовый Жером - судьба распорядилась по судьбе. Сама хотела я собой покончить - и вот сама собою я кончаюсь. И Лёрочку я не виню ни в чем - сама хотела трахаться за деньги. Ты просто был не против, Лёрочка, любимый и хороший мой родной убийца ненаглядный.

Л ё р а. Я был в маразме!!! Я есть в маразме!!! Полиночка!!! *(Плачет.)* Чтоб заловить этот СПИД - ехать в иммиграцию?! На хер!!! На хер!!! На хер!!! Зашибительный фильм сниму, Полиночка - всех шалав-акашовак-ледей-лебедей, фильмецом, сука, натяну на болт - отжарю - кто нас в иммиграцию впаял, сука, замертвело спидовушную.

П о л я. Бледью можно красиво работать, пока ты сама красива. Когда красота исчезает у бледи – у бледи все исчезает бледно-красиво. А СПИД исчезает тебя быстрее и ретивей. О, Божий СПИД, благодарю тебя за эту царственную встречу... Не делай зла Тиму - он добрый человек. Мне же так мало осталось жить, Лёра. Не делай зла Тиму.

Л ё р а. Все будет хорошо, Поличка.

П о л я. Иначе я пойду в «Hôpital» и зарегистрируюсь. Тогда я не смогу вытрахивать денег из амурно озабоченного населения Парижа и Буль тебя прирежет быстро разом навсегда предельно гармонично и ритмично.

*(Тим кашляет.)*

Л ё р а. Чёрт! Надо же входить со стуком, Тимоха! Я же прав, Поличка?

Т и м. Я... Простите. Я задумался.

П о л я. Садись пить чай, Тим. Сейчас будет чай. *(Выходит на кухню.)*

Т и м *(берет со стола коробочку с лекарствами)*. «AZT». Полина больна СПИДом?

Л ё р а. Полина больна СПИДом.

Т и м. Через поцелуи СПИД не передается.

Л ё р а. Через поцелуи СПИД не передается.

*(Входит Поля с чаем.)*

П о л я. Всё нормально. Пейте чай ребята.

Л ё р а. Не надо никому говорить, что Полина больна СПИДом, Тим. Хорошо?

Т и м. Конечно.

Л ё р а. И не надо больше целовать Полину. Кроме СПИДа - она еще моя жена, а не мама. Понятно?

Т и м. Конечно. Я целовал Полину по-дружески - как французы. Мы же живем сейчас во Франции.

Л ё р а. У меня и у Полины даже есть французские паспорта, но французских поцелуев, Тим, я больше не вижу. Хорошо?

Т и м. Хорошо.

Л ё р а. Вот и Ок. Так. Короче. Лёра хочет курить, а у Лёры кончились сигареты. Ок? Давайте без Ванек-неваляшек, ребята. И так проблем в загранке не оберешься. О'кей? *(Хочет выйти.)*

П о л я. Я схожу за сигаретами. Проветрюсь. Голова болит. *(Выходит.)*

Л ё р а. У всех голова болит... Такая вот с болью в голове девушка.

Т и м. Хорошая девушка.

Л ё р а. Все мы хорошие девушки - когда мы не плохие мальчики. Напишешь мне сценарий для кино? Я тебе идею подарю. Ударный сюжет на больную еврейскую тему.

Т и м. Роман пишу.

Л ё р а. Да кому, в срчку, твой Великий Утешитель сейчас сдался, тем более, в Париже. Ты совсем, мозгою одичал, а вроде и еврей. Очком на пульсе времени сидеть надо. Сейчас даже антисемиты на еврейской слезной теме бабки спекулируют не каясь.

Т и м. Обуреть.

Л ё р а. Если ты сегодня Запад еврейской темой не проимеешь - то завтра Запад тебя, еврея, еврейской темой отсучит и высушит и фамилию не спросит. Здесь свой стреножный междуножный волчий еврейско русский член с крепчёного мороза надо всаживать быстро, первым, очень вовремя и смело глубоко - до помраченья-излучения в глазах этого окучиваемого Запада - если Запад сам сейчас жопу свою подставил под тему еврейскую русскую. А сильно-хорошо сумеешь Запад проиметь - любовь сама собой потащится потом мировая автопилотом. Запад прошершавишь с любовью - уже Россия раком по инерции в пример с Западом в постоечку согнётся. А Россия раком встала - ты Западу в ротельник ласкуна уже согретого власкуешь просто завалютно навсегда миллионером Ротшильдом при яхтах. И даже лучше их – Россию-девушку с Западом пропидарённым таким Греем Дорианом убийцей пофигистом, рядышком так их ставишь разомлетых в раковую позицейшен - и в их анальные отверстия вдоль всего позвоночника с придыханием по очереди - песочишь так вставляешь своим членомесом немеренно активным, и калашниковую очередь кончаешь оргазмически в их счастливые и раззявленные ротельники. Поди плохой тебе такой судьбы сценарий, мальчик, жизни и искусства?

Т и м. Жить бы так и жить, и не тужить.

Л ё р а. Во! Мозга-то твоя варит. Музыка еще врубаешь и кино поехало крутиться. Пиши сценарий, Утешитель, - только так, по-великому утешимся. Пока в России все практически бесплатно, - бери, сука, не зевай кино бесплатное в России из Парижа, парень-иммигрант, во славу родины своей - рабы не мы. Или напиши, вот, кроваво убойный порнушный сценарий типа ностальгический - русского сексото гебического нашего здесь совместного взаимозамочильного групповика на геном

мозговоподкорковом взаимно убойном кровавом геморойном уровне в Париже. Любую западную порнуху отпорнушим родными-то своими по истории картинками кроваточащими с трагедией любви к неподделённой власти. Свет туши - кино засветим. Тут какие силы улепётные сексотные с совка-то собрались в Париже, чтоб драть друг друга в попку в унисон до спидовой горячки и могилы. Здесь они покруче мрази-наши-тараканы-силы, чем в совке, мой евромальчик. Ведь чтоб никто не догадался, кто диссидент, а кто гебешник - все друг друга здесь полностью переимели, передырявили во все гебешные, диссидентские, политбюровские и прочие еврейско-русские святые дырки. Всем хочется только трахаться и кого-нибудь там своего же близкого товарища еще зрелищно вальнуть, чтоб чужие там еще боялись. Одно спасение - самому первому, повторяю, трахать – брандсбойно, уверенно, нагло, голубоко и смело. Об этом надо тебе мне великий твой святой сценарий и писать мозгом твоим своим пока еще всевидящим пророчным типа точным.

Т и м. А ты цветасто говоришь.

Л ё р а. Я писать цветасто не могу, писатель.

Т и м. Но, подожди - вот когда кого сам трахаешь, ведь реально забываешься - в это время тебе в зад какой другой членище спидовый и впарят в сласть немеренно пророческий убийственный!

Л ё р а. Ну, так в этом весь и смысл группового убойного порно богемного – кто кого сношает смертобойно первым, но не зная и зачем – только чтобы славы загробастать и других уже потом со славой денежной пороть и забивать намного проще было и душевней.

Т и м. Сквозная тема зашибная.

Л ё р а. Мальчик мой. А еще вот реально библейский сюжетик с современной темой кроваво святой – чтобы в финале покаяться. Польские евреи из Сибири в Париже рассказали. Все Канны будут наши эфемерные. Но только, если слямзишь-скомиссаришь мой сюжетик для своих романов - убью, ханурик, без суда и следствия. Согласен? У Лёпочки такой кульминационный суд - без суда и следствия - в закатанный асфальт.

Т и м. Ну и что там дальше по асфальту, комиссар, короче?

Л ё р а. Ну, ты, серьяга и еврей с молниеносно быстрыми мозгами, мне дюже очень ндрависься, коцап. Короче, такой сюжет еврейский процветал в глухом краю дремучем кедровом, сибирском домов на пятьдесят. В тех домах людишки жили - сеяли пшеницу и имели скот. И, в смысле скотоложства - тоже – Бог, когда не видел из-за туч. Когда Бога нет ни шиша. Где Богу взяться - когда там Бога нет, как и везде. Реальный такой сюжет атеистический и такой он, значит, дальше в развороте - в продолжении. С ГУЛАГа там в их местности сбежали два зека-людоеда и третьего зека, с которым сбежали - покушали давно - проголодались. А, глядь - тут эта деревенька под ногами распласталась и трубами коптит. Вошли. Их хлебом-солью приняли - как самых почетных гостей. И в скором времени их над собой поставили - деревенькой управлять. Сходу почуяли жители, что у зеков члены-генераторы большие - пропистонить хоть кого в любую дырку могут без смальца. Оказали доверие членам. Время проходит - людоедикам человечинки мочи терпеть нету хочется. Ну, зеки и кидают в население мыслишку: все болезни ваши и остальные беды со смертельным исходом - от евреев. А, коли дети в лесу пропадают - так это совсем евреи их кушают. А накануне людоедики специально двух детишек в лесок завели и на костре пионерском, жаривши, съели. Ну, населению невдомек, что такое евреи - просят объяснить обстоятельно. А зеки и объясняют: все ваше население с горбатыми носами по пояс в реку входит пусть - остальное население с

гусиными носами берет ножи и колья, и стоит на берегу - тогда евреи сразу обнаружатся. Ну, люди в деревне дремучие, наивные - сделали, как зеки научили. Ну, а потом зеки населению с гусиными носами с ножами и колами говорят: что население с горбатыми носами голое в реке - есть те самые евреи, фрукты-овощи, которых, как скотину, надо быстренько забить, засолить и медленно кушать - чтоб долго хватило. Что зеками было велено, то гусоносые и сделали. Понравилась гусоносый человечинка еврейская - с аппетитом долго-быстро кушали. Опять время проходит - когда всю человеченку скушали - уже и гусоносый человечинки еврейской снова хотца в аппетит. Ну, а зеки уже смело - без завода в речку: те из вас и хоть с гусиными носами, но волосенки выются у кого, тем паче и глазенки если карие - евреи, натурально - фрукты-овощи. И удивительно безропотно опять новые евреи себя покушать отдали. Ну, а оставшихся гусоносых зеки следом, долго не гутаря, замочили, засолили и до сих пор еще внуки зеков доедают - не съедят никак. Ну, вот что-то такой, типа сценария, хочется сюжетик расписать для фильма моего. Но с разворотом, с подробностями там разными - может быть какими извращённо кулинарными.

Т и м. Ладно, Лёра - с кулинарной темой людоедной извращёнкой - отвали. Это не моё.

Л ё р а. Да сам ты отвали. А, чё, ты, нам - внукам зеков, Великим Утешителем баки заливаешь? Понятно - в твоём Утешителе кулинарной людоедной темы там не надо - я понимаю. Но моя тема зековских Великих Удушителей была бы интересней с кулинарной темой людоедной в связке типа фарса. Я бы сам написал. Да, понимаешь, вся душа пожитухой иммигрантской-интригантской загажена. В истории таежной этой я только душу людоедов-зеков чувствую. А в сценарии любовь должна там еще в кино присутствовать - ну, между горбоносой и гусоносый - что-нибудь такое душещипательно наивное лирическое, - чтоб простой народ купил в кино билеты и пошел кино чувствительно глядеть. Ты же это можешь - про любовь мне дописать. Ты, вроде, порченный не шибко. А то ж, когда я про этот сценарий думаю - перед глазами не Россия холодная, а Израиль, Штаты и Париж - голубой пидармот возрастают на месте деревушечки этой таежной в сибирской глухомани. А зеки - крысами серыми гебешными и отсидентскими кажутся - меня лошадку честную - простую трудовую иммиграцию - заживо грызущие. И все бы еще ничего - так я сам себя в своем сценарии только крысой серой людоединой и вижу - самого себя сжирающей. Самопожираловка тотальная говенная кругом. Но себя сожрать я до конца, как видно, не могу. Помоги сценарий написать, братишка. Или захавай меня антисемита еврея людоеда иммигранта в сыром виде - без кулинарной извращёнки просто захавай.

Т и м. Лёра. Аппетита нет.

Л ё р а. Тогда для аппетита надо вместе выпить! *(Тянется за бутылкой.)*

*(Входит Поля.)*

П о л я. Твои сигареты. *(Дает Лёре пачку сигарет.)*

Л ё р а. Спасибо, Поличка - моя ты лапочка. *(Закуривает.)* Хорошо, ребята. Мозгуй всё ж, члени давай сценарий, Тим - тогда совсем все будет как в кино у нас с тобой приветливо-счастливо. О'кей? *(Смотрит на часы.)* У-а-а-а-а! У меня ж партийные дела отсидентские. В баре рандеву напротив. Я не долго. Не скучайте. *(Уходит.)*

П о л я. Ну и как тебе Лёра? Этот мертвый живой человек.

Т и м. Я люблю тебя, Поля.

П о л я. Любовь - это прекрасно. Это самая волшебная категория чудесной человеческой вечности. А лекарств от СПИДа пока не нашли. Все умирают и я умру. Почему Бог для такой бледи, как я, должен делать исключение? Если существует этот Бог. Не такие блеющие леди без Бога подышают. И я тебя полюбила – мой Тим. *(Обнимает его, плачет.)* Почему нет лекарств от этой дьявольской болезни?

Т и м. Ты можешь меня заразить своим СПИДом, Поличка?

П о л я. Что?

Т и м. Я не смогу жить после твоей смерти, Полиночка.

П о л я. Ты что такое говоришь?

Т и м. Я не смогу без тебя жить. Я хочу умереть от твоего... СПИДа. Я буду знать, что умираю от твоих микробов, и мне будет легче. От твоих микробов я согласен умереть своей смертью, Полиночка. Я хочу тебя, Полина. Я могу поцеловать тебя, как мужчина целует любимую женщину - в губы - долго-долго?

П о л я. Можешь.

*(Тим и Поля долго целуются.)*

Т и м. Я хочу тебя, Полина. Я хочу, чтоб ты дала мне свой СПИД. Я хочу тебя, Полина!

П о л я. Ну, бери же меня - бери!!!

*(Пауза.)*

Т и м. У меня... эта штука моя... не хочет... подниматься. Я импотент. У меня не стоит. Полная прострация. После этого завшивленного СКВОТа. *(Плачет.)*

П о л я. Успокойся, Тим. Я тебя буду хорошо кормить. Ты скоро станешь сильным. Тебе надо делать пробежки и ты быстро войдешь в силу. Да?

Т и м. Это чуть потом. Хорошо? А сейчас можно я тебе сделаю маленькую ранку на пальчике - чтобы вышло немного крови - как у меня на пальце? *(Делает себе ножом на пальце ранку.)*

П о л я. Ты сумасшедший.

Т и м. Смотри, как красиво. Кровь красного цвета любви.

П о л я. Любви...

Т и м. И совсем не больно.

П о л я. Не больно...

Т и м. Можно, тебе тоже сделать такую же ранку с красной кровью любви?

П о л я. Можно.

*(Тим делает ножом Поле ранку на пальце.)*

Т и м. Смотри, как у тебя тоже получилось очень красиво - красная кровь... любви...

П о л я. Любви...

Т и м. Можно, моя ранка полюбит твою ранку?

П о л я. Можно.

Т и м *(прислоняет свою ранку на пальце к ее ранке на пальце.)* Я так счастлив, Поличка.

П о л я. Тимочка!

*(Обнимаются, долго целуются.)*

Т и м *(смотрит на свою ранку)*. Бог всем дал жизнь. Микробы СПИДа тоже жить хотят.

П о л я. Что ты наделал, Тимочка? Что я наделала? Тимочка!!! *(Обнимает Тима, целует его, плачет.)*

Т и м. СПИД будет добрым палачом. Он нас казнит одновременно.

П о л я. Романтично.

Т и м. Любовь спасет романтиков от жизни.

П о л я. Воистину. Ты сумасшедший, Тимочка!!! *(Падает в обморок.)*

Т и м. Поляночка! *(Склоняется над Полей, лежащей на полу, целует её.)*

*(Входит Лёра.)*

Л ё р а. Что случилось?

Т и м. Поляночка упала.

Л ё р а. Если Поляночка упала - надо Поляночку поднять.

*(Кладут Полю на диван. Приводят в чувства. Дают стакан воды.)*

Что случилось, Поляночка?

П о л я. Лёра.

Л ё р а. Я - Лёра. Что случилось?

П о л я. Голова кружится.

Л ё р а. Может, таблеточку тебе?

П о л я. Быстрее без таблеточек.

Л ё р а. Тим, может она тебя хоть будет слушаться и глотать эти антиспидовушные таблетки! Ну, что еще остается, Поличка? Я с ума сойду. Я точно сойду с ума, ребята. Это будет к лучшему. Все равно понять эту прокажённую спидовую иммигрантскую жизнь невозможно, мои вы братьяники!

П о л я. Все хорошо, Лёрочка. Ты хороший, Лёрочка.

Л ё р а. Мы все хорошие ребята, Поличка, когда мы этого хотим. Золотая мысль. *(Записывает в блокнот.)* Я шизею - надо выпить. Тимох, Полин, может выпьем, как люди - забудем немного, что мы черви здесь навозные в Париже?

П о л я. Выпьем.

Т и м. Выпьем.

Л ё р а. Вот это разговор уж человеческий, ребята. *(Достает стаканы, бутылку водки, разливает.)* А то ж ведь забодали, в доску, червивые все эти трёпы забогемных червяков. За что пить-то будем?

П о л я. За Землю.

Л ё р а. Бляха муха - цокотуха.

Т и м. Если б не было Земли - не было б и неба.

Л ё р а. Земля в космосе летает вокруг солнца.

П о л я. А где-то в районе Парижа - в Землю воткнулась башня Эйфеля – занозой.

Л ё р а. Сель а ви. Не удалишь. Переживём. Сгодится.

*(Пьют.)*

*З а т е м н е н и е.*



## *Лёра и Тим.*

Л ё р а. Нет, тебя я, друг, никак не понимаю. Бог дал тебе талант писать, Лёра дал тебе заказ реальный бабок заработать, славы загребсти. А ты? Никогда ты на своем Великом Утешителе бабок не вколотишь. Мне тоже предложили в Израиле за бабушки евреев на гробы. Да никогда тебе я не поверю, чтоб такой педрила-клоун, ты, валил евреев. Хотя, такие гей-фашисты - только и горазды. Ну, вот и напиши сценарий, как евреев потрошил в Израиле, антисемитом не крестясь. Чтоб любовь в сценарии была бы роковая, но простая, в то же время. Чтоб любой бы французик из бордо и русский разный прочий иммигрант денюжку валютную за себя и за любимую жену в кино бы заплатил и посмотрел прокрученную плёнку. Я бодал бесплатное кино батрачить. Сколько, в самом деле, можно? Жизнь в Париже очень дорогая. Я устал, мальчонка. Надо отдыхать. Хочешь отдохнуть?

Т и м. Ну, а, то чего.

Л ё р а. Ну, давай тогда отдохнем, что-ли. Чего не отдохнуть двум здоровым мужикам. Прими блембеля на грудки. *(Наливает Тиму вина, и сам тоже пьет.)*

Т и м. Поля - сказочная девушка.

Л ё р а. Клейма на этой сказочной девахе ставить негде. Даешь, ведмежонок. Влюбился, что-ль? Ну, тебя за это поздравляю искренне. Тем более, что Поличка моя законная жена. Чем тебе любовь не роковая на сценарий? Ты, думаешь, ее нимфеточку, я не ревную, не люблю? Глубоко, товарищ, ошибаешься. Это Поличка, лохматочка кудрявая, все никак понять себе не может, что любовь и жизнь - вещички не вразмерные, паскуда. Она ж, лярва, и СПИДом заразилась - чтоб мне, еврею лысому, за верную любовь своей судьбой смертельной отомстить – спидолиночка-кошёлка. Да реально - натуральная русская фуфловая шмара. А тут на Западе - еврейский экзистанс. Вселюбящие русские мозги в России чего-то может еще стоят. Так-то, ласточка она - терпеливая конечно. За что я русских баб ценю-люблю-деру и уважаю. С натуральной, в натуре, евреечкой нежной, но жмотиной конкретной - я б ни в жисть, когда бы за бугор дал риску бы рвануть - с жидовкой кровной по натуре. Что Полиночка от жизни натерпелась моей - штук десять Саррочек похоронить уж можно было б без проблем. Но даже русских баб простых и даже сложными еврейскими мозгами понять я не могу. И сколько всех их разных передрал и знаю, что у них одна мыслящая извилина – щель-розочка-чесалка - и то со спермными отсосными моими же мозгами. Но, как змеюченно убивно несравненно мыслит эта их занозная межножная прощелюга эдельвейсная. Полинка-девочка гулять-то начала, чтоб я что - заревновал? А я не ревную - хоть умри. Я ее люблю - она не верит - мне плевать - но не ревную – не щекотно мне под мышками от ревности и все, хоть сколько ты, заблуда, не гуляй, чтоб бледью шалашовочную стать. Она тебе тоже этот трёп про леди, которые самые стервозные бледи, устраивала? Да просто начала налево гулять и ей просто это харево очень понравилось. Сначала бесплатно на стороне трахалась. Потом видит - за фак можно брать хорошие деньги. И стала брать хорошие деньги. А мне по красному фонарю хорошие деньги ее. Не за деньги с ней, кормилицей, живу. Просто я такой семейный, постоянный человек у мамочки моей родился однолюб.

Если я женился на девушке одной - с нею буду я одною жить и помирать. И гулять налево тоже буду и гуляю – ну, это же - естественно. Натура просит спермой бескорыстно с кем там поделиться и отлиться. Ну, это же не преступление, Тимоха, мужику немножко сексом разговеться на жил площади оплаченной своей. Тем более, когда его кошелочка родная - совсем в разнос утрахалась до СПИДа. Ну, а, конечно, если трахать - то хорошеньких. Если хорошенькие - то молоденькие. Если молоденькие - дорого стоят. Хоть в этом Поинка меня понимает - дает денюжку на девушек и мальчиков - любит еще - по любви дает денюжку жидовскому хорьку на его пархатые смычки. Тоже небось хочет, чтоб я спидяка заловил. А я шампурю очень молоденьких девочек и ещё более молоденьких мальчиков – целомудренных смазливых бибизьянчиков. Справочки еще медицинские требую. Когда не уверен - через капюшон приходится вчлняться. А что, братишка, сделаешь, когда в ком не уверен окончательно. Ты-то сам со СПИДяком не дружишь в одном классе?

Т и м. Идет он в баню этот СПИД.

Л ё р а. Ты, брат, извини, я твой чемоданчик просмотрел - справочку нашел годичной, правда, давности, что СПИДом ты не прокажён.

Т и м. Боря Томский, губомастер, без этой справочки не пускал к себе жить, медикованный.

Л ё р а. Ты жил с ним?

Т и м. Лёр - ты меня заколебал хорошими вопросами.

Л ё р а. Ты, там, после Бори Томского в СКВОТе – трахался, там, по-мужицки, с кем? Ты можешь мне на этот один принципиальный, сокральный мой гендерный медицинский вопрос ответить, бибизьяночка шальная?

Т и м. В СКВОТе трахаться по-мужицки - совсем не обязательно, чтоб жить - тем более - подохнуть.

Л ё р а. Ты не совсем такой пенёк, как притворяешься. Я так и знал, что ты, Тимоха, голубой наполовину шарик - развратник, но святой.

Т и м. По любви любил я Борю - пока была любовь.

Л ё р а. Ну, девочек, я тоже вижу, любишь ты любить. Значит, просто ты - гигант бисексуал немеренно развратный. Будем так оно знакомы – гей - как небо голубой и ясный-классный вам в богемные уста - Лерочка – бисексуал опасный-классный.

*(Протягивает руку.)*

Т и м. Иди ты к лешему, Лёра, алконавт.

Л ё р а. Ну, че, ты, блин, мальчоночка писатель, коллеге губогрубохульствуешь? Я с тобой, вроде, по-хорошему. Засадимся смазливо – на небо голубое улетишь. Поля придет не скоро - у нее ночная смена свехурочная.

Т и м. Что?

Л ё р а. Лобзаться-трахаться Поиночка пошла за евро – нам мужикам на жратву денег зашвартовывать. Мужики, конечно, Поличку-то любят - но денег на жратву себе достать не сорванцы. Прощеленной дамской манилки дорогой мужикам не даровал Господь. А попкой, даже голубой, и сопливым хером в Париже – если ты не мальчик сочный в двадцать лет - денег заработать - амба. Но развлечься-отдохнуть - с таким же рассопливым геем подлецом друг с другом мы можем без проблем. Тимох, я тебя не прошу мне член отсасывать, если ты не хочешь, - ты и откусить же его спокойно, киллер, можешь в лютом гневе. Мне это, брат, пока не нужно так уж очень сильно на тот свет. Но в попочку и ручками - кто здесь тут нам мешает? А, что еще хорошего делать нам с тобой в Париже на твоём подсосе? Тем более - сценарий мне мечтательный не пишешь. А за прожитье платить ведь как-то чем-то надо.

Т и м. Я хотел сегодня пойти на гитаре в метро поработать. Поля сказала, что не надо. Ты тоже сказал, что не надо.

Л ё р а. Ты - пенька или притворяешься? Кому здесь сшандарахнулись твои сорок или сколько там франков-евро-медяков в неделю. Вот Поля за ночь принесет - тебе за жизнь не заработать, кацалапый. Чего-то ты, писатель, не про то орально-то прижизненно несёшь, а такой хорошенький спортсмэн - румяненский на диво. *(Обнимает Тима.)* Ну, давай друг друженьку полюбим в закрома... Я тебя не обижу. Мальчик, бибизьяночка моя ты акробатная.

Т и м. Ты можешь от меня урыться, Лера. *(Отстраняется от Лёры.)*

Л ё р а. Да нет - уже не могу урыться, Тимчик. На кого у меня встало - от того урыться я уже никак не могу. Не ссы, Тимоха. Я СПИДом не болею. Справочка всегда вот при себе печатная имеется правдивая. Смотри. *(Показывает справку.)* Ты, вот, тоже мальчик чистый и святой - СПИДом не болеешь ни фуя. Давай фуячить чистую взаимную любовь, амурчик-мальчик-зайчик-попугайчик. Чего ты ломаешься как целочка? Ты же не девочка.

Т и м. Ты же еврей, Лёра.

Л ё р а. Я ненавижу, когда меня евреем обзывают, Тимоха, сука ты, жиденок, правомочный.

Т и м. Пить надо в меру - сказал Джавахарлал Неру. Хорошо – разденусь.

Л ё р а. Да мне тебя раздеть и самому большое удовольствие, мой бескозырный спальчик-мальчик. *(Обнимает Тима.)*

Т и м. Посмотрим, кто кого разоденет первым, сука! *(С силой перебрасывает Лёру через себя, сдергивает с него штаны.)*

### *З а т е м н е н и е.*

Л ё р а. Поматерись! Поматерись! И хорошо!!! А-а-а!!! А-а-а!!! Ну, ты, в банечку, в сосочку, устал, младенчик-кладенец!!! Хорошо!!! А-а-а!!! До самой крови!!! А-а-а!!! Всесильный!!! Всемогущий!!! А-а-а!!! Фальцетно!!! А-а-а-а-а!!! Вот и так!!! Да - таааак!!! Безумно хорошо!!! Уай - эпическая сила - как же хорошо!!! Мой ты утешитель и спаситель!

*На следующий день.*

*(Лёра полулежа на диване сосет свой палец, просматривает журнал. Входит Поля. Она навеселе.)*

П о л я. Лёручка! (Обнимает Лёру.)

Л ё р а. У тебя отличное настроение, Поличка!

П о л я. Эдмунд этой ночью был как ураган - как уркаган великолепен, Лёручка ты мой! (Бросает на стол портмоне.) Пусть Буль тебя теперь не режет перочинно очень быстро.

Л ё р а (вынимает из портмоне деньги, пересчитывает их). Десять тысяч франков-евро! Двенадцать тысяч! Ты шедевр, Поличка! Небесное моё ты золотце земное! Все это один Эдмунд?!

П о л я. Эдмунд подарил мне огромный букет алых роз! И с балкона звёздного отелля я швырнула эти розы на Монмартр - за безмерный праздник, что Париж швыряет, словно кость, моей душе собачей как Монмартр! Но сначала был Пьер, потом Кристоф, потом Мухаммед, потом Давид, потом этот негр с белыми зубами Иоанн. Евангелие от Иоанна. Вначале было Слово, и Слово было Бог. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. Иоанн, Иван Сергеевич Пушкин Александр - наш светлый чёрно-белый гармоничный мальчик – гений Слова - две крайности собой соединил:

«Все тот же вид смиренный, величавый.

Так точно дьяк, в приказах поседельй,

Спокойно зрит на правых и виновных.

Добру и злу внимая равнодушно.

Не ведая ни жалости, ни гнева.»

Пушкин этими словами: «Добру и злу внимая равнодушно» доказал - Природа не Воюет и людям надо брать с неё пример. Можно материться, но нельзя ругаться.

Л ё р а. А я вот бесконечно оскорбительно ругаюсь-матюхаюсь - вульгарно оскорблённо – радость ты небесная моя. Почему деньги не падают сами с неба небесного Парижа - даже таким святым людям как ты, Поличка?

П о л я. На матерный язык не подают. Пора бы это знать. Но с другой стороны - нет ничего на свете бескорыстнее и искреннее нашего матерного языка. Вот, например, идти на букву Хэ - значит, у тебя не хватает творческого мужского обобщающего начала, и тебе надо просто оплодотвориться. А Ёпт твою мать - ты трахнул свою мать - память где твоя? А Фрейд - мужичишка штабной - всё это в патологию увёл.

Л ё р а. Все правильно, девочка моя. Отсюда и идёт вся ложность психологии сегодняшнего дня. Фрейд - знает в чём моя проблема? Сволочь шарлатан - этот пень эдипов, Фрейд еврейский относительный, хер западный с сизифовой горы.

П о л я. А когда настоящие Боги являются людям на Землю - они их просто не узнают. У Фрейда мата ж не было в стране Австрийской – чего они там знают, что там матом можно обобщать. Да и между нами девочками русскими - мат надо иметь талант слушать, понимать - если мы заявляем, что мы серьёзные девочки настоящие поэты. Всё остальное - ложь, галдежь и провокация. Естественно. Нет, ну, в шахматах-то мат - там он, конечно, в облом, в тупик и в проигрыш. Там он в физике – ступорно реализован - мат. А в языке - он вся вселенная, где всегда есть выход из лажи, которую мат и подчеркивает - в этом суть его мученической, обнажённой правды. Мат самопожертвенен, обнажая пустого человека и изживая проблемы.

Л ё р а. Чем тебя поили этой ночью эти членоварвары отэллные парижские? Чего это тебя на мат русский потянуло? Устала ты немножко, моя ты обнажённая - ангельская деточка-поэточка? Налить тебе ванну?

П о л я. Кто имеет сладкий грех - к тому мат и пристаёт, и ванна не поможет, Лёрочка хорошенький ты мой. *(Пинает ногой трусы, лежащие на полу)*. А, ты смотри - как тут вот в сперме матеряться трусики твои в горошек – мы их где-то вместе с тобой покупали!

Л ё р а. Да отдыхают молчаливо трусики мои спокойно. Ты чего, Полин. Давай, приляжь и отдохни. *(Поднимает с пола трусы.)*

П о л я. Где Тим?

Л ё р а. Все нормально, Поличка.

П о л я. Где Тим?!

Л ё р а. Ну, все нормально, Поличка! Ну, собачий в пасть. Ну, не знаю я, где Тим. Он всю ночь был здесь со мной. *(Показывает на диван.)* Я его не обидел. Тихо-тихо-тихо-тихо. Ласково и нежно в сучий рот такой безбрежный... Я тебе всем своим святым бесплодием ручаюсь - я его не обидел, Поличка. Ну, он классный мужик, Тимоха разухаб. Такой суровый зимний уставший конь гнедой. Устал он мальчик гейчик отдыхать. Слушай, пусть он с нами остается. Спасибо тебе за Тимоху, Полиночка. Он такой сверчковый домовый – буквально, просто счастьем можно расплодиться. Ты никогда в людях не ошибаешься. Нам было так приветливо и нежно - как крем бисквитный щекотал по нёбу цепенея - меня его сверх шелковистый хвостик, в дубадан.

П о л я. В речку нельзя войти дважды. Там остаются однажды. В русских сказках хвостики отсекают топором. Двоишные хвостатые хвостики-хвосты всем ведьмакам парнокопытным сексоманьякам отсекают топором и навсегда.

Л ё р а. Ну, я его не обидел, Польша - мы с ним так красиво погуляли по буфету и по марафету. Ну, я же не могу с тобой трахаться – ну, спидовый в ротельник вседержитель! А мне надо трахаться. Иначе я становлюсь нервнозамученным чудилом, с ума дёргаюсь как фафа – как твой патолог нервный дядя Фрейд и хуже. Ну, я ж нормальный человек, Поличка. Мне, как нормальному человеку, надо трахаться - природою положено. А я не хочу болеть твоим СПИДом, Поличка. И не надо на меня так смотреть - будто это я заразил тебя твоим СПИДом. Я сверхушибленно и доходительно устал. Ну, вот ты щас потрахалась и стала нежной ароматной леди. Я тоже сейчас потрахался и стал... в некотором смысле... в который раз... тем кем и был... но действительно хуже, хотя по теме тела своего – лучше и намного. Ты явственно и язвенно, моя Полиночка, права. Всегда. Польша, у меня есть самокритика... Польша... Ну, что ты грустишь? Слёзы опять ещё. Я не понимаю смысла твоих слез - хоть убей. Ну, вот теперь ты ещё смеёшься. Ну и слава Богу. Сейчас Тимоха причапает - ты увидишь его райские глаза от счастья. Ну, надо понимать же этот мир объёмно – во всем многообразии, полит корректно и западно терпимо. Тимохе тоже по буфету требовно с андреналийным другом пацаном гульнуть. Польша, я с Тимохой потрахался, но я тебя щас, Польша - ты представить себе не можешь просто - как я тебя сейчас нелицемерно люблю, Полиночка – люблю и преображаюсь в абсолютно лучшую художественную и вдохновенную сторону!!! Понятно, что дерьмовую вконец.

П о л я. Как Тим, меня ты полюбил заболевающе.

Л ё р а. Если не сильнее. Меня Тимоха тоже полюбил небесно утешительно и заболевающе. Ты, знаешь. Он ураганно повелительный Тимошенька - накаченный плечист. Только с тобой уж если трахаться ему - то только всё-таки давай с резинкой будем дальше. А лучше вообще не надо вам еще это - обоюдно трахаться. Любите друг друга лучше только платонической любовью на расстоянии хотя бы сантиметра. Я тебе гарантирую: у вас дольше любовь такая непорочная по жизни реально продержится. У тебя, вон, дивизион этих генералов аборигенных, кто тебя всегда

имеет и платит. Подари мне Тимоху, Поль. Ну, что хочешь тебе сделаю для этого, Поличка. Что тебе хочется?

П о л я. Тим меня хотел без презерватива. Но не смог. Он так устал. У него не стояло.

Л ё р а. Ну, зачем ещё, опять повторяю, и без презерватива-то трахаться? Очумели, малы детки? СПИД ему в дорожку от тебя в подарок заловить? Ну, пусть Тимоха он будет чистенький-пригоженький со мной, Полинка. Чего он в самом деле тебе дался? У него, знаешь, как со мной стояло по-буфету. У него такая колбаса, блин, докторская в том буфете - так лечит замертво - дыхание спирает, но так, блин, целомудренно, наивно, но и глубоко - куда-то в самый поджелудок мне со своим лечением-излечением как залезет, а потом наружу, а потом опять - и сколько хочет может повторять волшебнейший манёвр такой пружинный своим членом эпохальным - целкорвущим генитальным.

П о л я. Bravo-bravo – поздравляю - вы дулами своими рубились без плаща?

Л ё р а. Ну, так, блин, конечно мы без плаща – рубились дулами своими. Рубились мы не на дуэли и не на плэнере с Ленским здоровенским. У Тима справочка на СПИД отрицательная имеется. Боря Томский ни с кем без справок не втыкается своим здоровым дулом в спидово дуэльное анальное дупло. А Тим последний раз втыкался только с Борей Томским целый год назад. После этого ни с кем. Тим - чувак неимоверно честный - он мне смотрел в глаза. Он только по любви духовной втыкается внагрузочку телесно. Мы с ним любилась по любви, Полинка. А для любви контрацептив тождествен СПИДу. Я не могу жить без любви – дуэлевой рубиловки достойнейших мужчин – ты ж меня поэта, знаешь – Ленского - моя ты Поличка-Олечка - Танюшка рода Лариных.

П о л я. Вчера Тим взял этот нож и порезал себе пальчик. Пошла алая кровь любви. Потом этим же ножом Тим порезал пальчик и мне. Тоже пошла алая кровь любви. Потом мы прислонились своими влюбленными ранками - ранка в ранку, кровь в кровь и наши ранки любили друг друга целую вечность. Наши ранки любили друг друга... *(Оседает на диван, закрывает лицо руками, плачет.)* Бедный Тим - он так меня сильно полюбил, что захотел умереть от моего СПИДа - со мной одновременно умереть. И ты, вот, Тима полюбил, чтоб с нами умереть одновременно, Лёрочка. Я не ревную - я устала ревновать. И даже Тима за измену я прощаю.

Л ё р а. Что-о-о?! Бля-а-а!!! А-а-а!!! *(Хватается за свой зад, сплевывает слюну, смотрит как сумасшедший на свой «порезанный» палец.)* СПИД!!! А-а-а!!! Бля-а-а!!! *(Бегает по комнате, не знает, что делать.)* СПИД!!! Бля-а-а!!! СПИД не спит, на хер, бля-а-а!!! *(Вопит.)* СПИД не спит, на хер, бля-а-а!!! *(Вопит.)* СПИД не спит, на хер, бля-а-а!!! Я убью этого спидяка, спидуна, спидятину, сука-а-а!!! Он же три раза в меня спустил, сука, и закончил так зачоченело, Полиночка!!! И мне он, зверь, мокрушник, палец резал, урка, - чтобы тоже кровью породниться! Я убью этого пол-пота палача - чистого и честного еврея! Моя Полиночка!!! Бля-а-а!!! Мама!!! Бля-а-а!!! Что мне делать-то теперь, Полиночка - девочка любимая моя?!!! *(Рыдает.)*

П о л я. Есть таблеточки. Покушай таблеточки от СПИДа, Лёрочка.

Л ё р а. Но таблеточки мне совсем же не помогут от СПИДа, Поличка.

П о л я. Таблеточки никому не помогут, Лёрочка.

Л ё р а. Я так не могу - я так совершенно не могу сосуществовать!!! *(Плачет у неё на коленях.)*

*(Входит Тим.)*

П о л я. Тим!!! Где ты был? Мой нежный и любимый - запоздалый Тим.

Т и м. Делал пробежку.

Л ё р а. Убийца, сука, спидяк мокрушный, сука!!! (*Вопит.*) Я убью тебя, сука, убийца - этим спидовым ножом я урою тебя, спидяк, урод, убийца, мокрота! Молись, еврей, спидятину, жиденка, Богу Палачу!!!

П о л я. Дай сюда нож! (*Берет у Лёры нож.*)

Л ё р а. Суки, суки тифозные, спидуны прокаженные! Вы заразили меня СПИДом, суки, спидяки тифозные. Я-то вам чего тут скопом сдался вместе подышать? Я не палач, Поличка. Это вы - бандюги спидяшные, под поэтов – палачи-уроды косите, спидяки тифозные! (*Плачет.*) Породнились, вот, теперь через спидятину совсем, совки, со спидяком-Парижем - так вот спидовушно породнились. Суки!!! (*Плачет.*)

П о л я. Любить - одно, а, умирая жить - немножечко другое. Теперь меня любить ты можешь без контрацептива, Лёра-Лёрочка лерастый.

Л ё р а. Не-е-ет!!! Поличка. Долечка-Поличка!!! Не-ет! Никогда! Нет!!! (*Плачет.*)

П о л я. Теперь настало время только материться.

Л ё р а. Поличка! Долечка!!! Никогда!!! Неет!!! Мама!!! Сука!!! (*Плачет.*)

П о л я. Что же стало с Великим Утешителем и его любимой солнечной возлюбленной, Тим?

Т и м. Ни один мускул не дернулся на лице Великого Утешителя, когда жители заброшенной деревни самих себя сожрали, как евреев, а зеки - спидяки, людоеды - пошли дальше, дальше, дальше... И Великий Утешитель был уже никому на свете не нужен... Спасать ему было больше некого. На свете не осталось ни одного человека.

(*Пауза.*)

Добежал сейчас до СКВОТа - одни руины. Костьян с собачкой Диком сидит на камешках и плачет горячим слезами. Миклош, говорит, с какой-то неизвестной нашей русской ледибледью проблединой в подвале под руинами остался. Русские художники-клошары костями своими защищают парижские руины.

П о л я. Миклош был хорошим человеком. Такая же хорошая была его гейгёрл.

Л ё р а. Надо партиями брать в России девочек молоденьких и везти их в Ниццу, в Ниццу, в Ниццу - на хороводную любовь!!! Тогда кино и снимем при деньгах! Но только, чур, я первый – только, чур, я первый на приеме девочек-ласточек-стаечек в Ниццу. Я их не заражу! Я только простудился – больше ничего. (*Плачет.*)

П о л я.

Простуженный солдат зимой в окопе, снег.  
Три часа утра, врага атака танками пошла.  
У солдата воспаленье лёгких, пенициллина нет,  
Нет койки тёплой для него в ближайшем лазарете.

Простуженный солдат не хочет больше жить.  
На снег он кровью харкает с температурой сорок.  
Ближайший танк врага в ста метрах от него  
И прёт стволом вперёд на пешего солдата

Солдат встаёт и в полный рост с улыбкою идёт на танк с гранатой,  
И кажется ему – любимая летит навстречу вместо танка,  
И держит он в руке цветы, а не гранату,  
Обнять любимую так хочется ему,

Что даже танк заморожен и не стреляет.

И время остановлено войны на миг любви солдата с танком.

А в следующий миг снаряд из танка влетает в грудь солдата.

Пенициллина нет и больше он не нужен.

Солдат упал, он мёртв, и больше не простужен.

Зима, мороз, а крови - паровая лужа.

*(Пауза).*

Мои розы были выше Монмартра, выше Парижа, мои алые розы любви над Парижем взлетели... Не смотря ни на что - я помню только хорошее. Несмотря ни на что... Слова пусть остаются здесь с другими... А Поличка России раньше изменила... Мамочка! *(Бьет себя ножом в сердце.)* Совсем не больно. Смерти больше нет. Солдаты все останутся живые. *(Падает на пол. Умирает.)*

Л ё р а. А-а-а!!! Во-о!!! А-а-а????!!! По-настоящему? Поэт? *(Показывает на свою голову пальцем и на Полю.)*

Т и м *(вынимает из Поли нож).* Да!!! Да!!! Да!!! *(С силой наносит себе несколько ударов ножом.)* Совсем не больно.

Л ё р а. Да-а-а?!

Т и м. Да-а-а!!! *(Наносит Лёре смертельный удар ножом.)*

Л ё р а. Нет... *(Падает на пол.)* Точно, убийца еврейский... Живучий... Спасите... *(Умирает.)*

Т и м. Поличка. Любимая, нежная моя Поличка. Плод... Вселенной... Бог... Моя... Поэт... Спасла... Свобода...

*(Целует Полю и, мертвый, затихает с ней рядом на полу.)*

Страсбург - Париж - Москва  
1993 - 09.11.2015